

УДК 80:304.4:001.4

В.И. Шляхов

А.Л. Никонов

Шляхов В.И.*,
Никонов А.Л.**

Эколингвистика и проблема экологии языка в российском языковом пространстве

*Шляхов Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

E-mail: shlyakhovv@mail.ru

**Никонов Александр Леонидович, кандидат технических наук, директор консультативной группы ITE Bureau, эколог

В статье рассматриваются аксиоматика эколингвистики, ее экспланаторные практики. Один из постулатов эколингвистики: язык является не только инструментом познания окружающего мира, но и средством воздействия на социальную и природную среду обитания. Представлен авторский взгляд на наиболее острые проблемы состояния языкового пространства современной России.

Ключевые слова: принцип дополнительности, экология языка, функции языка, речевые технологии, концептуальные метафоры, стратегии и тактики речевого воздействия.

...добываясь гармонии человеческой жизни, никогда не забывай,
что на сцене бытия мы сами являемся как актерами, так и зрителями.

Н. Бор

21-й век будет веком гуманитарных наук – или его не будет вовсе.

К. Леви-Стросс

Современная наука о языке объединяется антропоцентрической парадигмой. О главенствующем постулате парадигмы – **антропоцентризме** – высказали похожие мысли известные лингвисты Л. Ельмслев в Дании и А.А. Леонтьев в России, хотя их слова разделяет полувековой отрезок времени. «Язык – человеческая речь – неисчерпаемый запас разнообразных сокровищ. Язык – инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность. Инструмент, посредством которого человек влияет на других людей, а другие влияют на него; язык – первичная и самая необходимая основа человеческого общества»¹. «Общая тенденция, наблюдаемая в современной лингвистике, заключается в разработке комплексных, пограничных проблем, в развитии «смежных» областей, где языковедение работает бок о бок с другими науками, такими, как социолингвистика, этнолингвистика, психолингвистика; это общая тенденция в проникновении «за» язык, в раскрытии существенных характеристик деятельности человека в целом, в том числе и речевой деятельности; одним словом, в изучении не столько языка, сколько говорящего человека»². Как видно, в последней цитате указывается на важную особенность парадигмы, на ее **синтетичность**.

Синтез разных наук появился не без влияния Н. Бора. Напомним, в 1927 г. Бор сформулировал принцип дополнительности в целях интерпретации квантовомеханического знания. Классическое описание физических явлений давалась как описание неизменных сущностей, независимых от экспериментов и средств регистрации. В квантовой механике приходилось иметь дело с явлениями, которые нельзя было исследовать, используя теоретические подходы, экспериментальные методы и метаязык классической физики. Не отрицая значения метаязыка классической физики, ученые создали новый метаязык современной физики. По утверждению же Нильса Бора, для того, чтобы наиболее адекватно описать физический объект, относящийся к микромиру, его нужно описывать во взаимоисключающих, дополнительных системах описания, например, свет рассматривался одновременно и как волна, и как частица.

Обсуждение теории дополнительности не является целью этой статьи, но некоторые пояснения необходимо было сделать, поскольку принцип дополнительности широко используется и в гуманитарных науках, в частности, в языковедении, психологии, литературоведении, историографии.

Постулатом теории дополнительности является мысль о том, что не следует отдавать предпочтение, как это ча-

¹ Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. С. 29.

² Леонтьев А.А. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. С. 3.

сто бывает, какой-либо теории, наблюдению, свойству. Вместо этого предлагается считать, что все различные наблюдения, аспекты, взгляды, если они подчиняются логике и принципам научного исследования, необходимы как взаимодополняющие друг друга элементы, дающие максимально полное в данной познавательной ситуации описание объекта исследования. Для объяснения этого принципа вне пределов физики Н. Бор приводил такой пример: «Мы все помним старое высказывание, гласящее, что, пытаясь анализировать наши переживания, мы перестаем их испытывать. В этом смысле мы обнаруживаем, что между психологическими опытами, для описания которых адекватно употреблять такие слова, как "мысли" и "чувства", существует соотношение дополнительности, какое существует между данными о поведении атомов»¹. Известно, что, критически осмысливая какие-либо сильные чувства, любовь или эстетическое наслаждение, мы теряем непосредственность этих чувств. Но если, с другой стороны, поддаться чувству, то вряд ли можно его продумать в этот момент. Другими словами, хотя мысли и чувства находятся в асимметричных отношениях, они дополняют наши знания о психике человека: единство личности человека без них немислимо. Повторимся, принцип дополнительности широко используется в психологии, теории речевой деятельности, в других гуманитарных науках. На него также опираются лингвисты и экологи, обосновывая необходимость появления новой парадигмы научного знания – эколлингвистики или экологии языка.

Опираясь на принцип дополнительности, несложно показать принципиальную совместимость таких, казалось бы, различных направлений в науке, как экология и лингвистика. Для того чтобы просто выразить мысль о необходимости соединения экологии и лингвистики, воспользуемся словами Д.С. Лихачева «*объяснять – дело филолога*»² и дополним: *защитить язык и природу – дело эколога и лингвиста*.

Таким образом, перед эколлингвистами стоит двоякая непростая задача – защита и развитие языка, который подвергается негативным воздействиям, и защита природы с помощью речевых воздействий на общество.

Как известно, к пониманию необходимости создания науки, которая объединила бы аксиоматику экологии и лингвистики, пришли ученые разных стран в разное время, в частности, в основу эколлингвистики были положены теории Э. Сепира, Б. Уорфа, Р. Милликана, Э. Риды, В.И. Вернадского, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Л.С. Выгодского и др. Можно считать, что В.И. Вернадский заложил фундамент экологического подхода к сознанию, языку и природе, который постулирует осознанные действия человека, направленные на сохранение и синтез культурного, языкового и природного разнообразия³.

Все эти ученые разделяли мнение, согласно которому структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Отсюда один шаг до постулата эколлингвистики – язык не только инструмент познания окружающего мира, но и средство воздействия на социальную и природную среду обитания. Второй постулат эколлингвистики состоит в том, что национальный язык в разное время испытывает, как и природная среда, различные негативные воздействия. Известно, что после войн и революций национальное пространство языка искажается, поскольку происходят глубинные изменения в менталитете людей, вспомним в этой связи бессмертную фразу М. Булгакова о разрухе в головах людей после революции 1917 г. Поэтому язык, как и природа, нуждается в мерах защиты и сохранения.

По сути, для реализации этих целей используется металингвистическая функция языка или, как сейчас говорят, экспланаторность. Человек способен использовать язык для изучения самого языка и языкового социального пространства, выходит, что язык посредством языкового мышления служит инструментом познания самого себя и таким образом способен следить за собственным «здоровьем». Одной из функций языка является **функция воздействия**. В современной лингвистике эта функция понимается не только как инструмент влияния на мысли, чувства других людей, но как инструмент воздействия на окружающий мир, поскольку язык сопутствует и управляет деятельностью человека в социуме и в природной среде. «Здоровье» экосистемы и национального языкового пространства вызывает сегодня серьезную озабоченность.

Для того чтобы повысить внимание общества к этой проблеме в лингвистике применяются языковые средства воздействия на информативное и эмоциональное поле в сознании человека. Этот инструментарий называется экспланаторными практиками. В свою очередь в практиках влияния на сознание человека нашла место теория функций языка, которую дополняют стратегии и тактики речевого взаимодействия.

Функции языка и эколлингвистика. Основные функции языка хорошо известны. Язык – своеобразная машина времени, позволяющая переносить информацию о человеке, о его времени и жизни из прошлого в настоящее и будущее. По сути, любая нация одной из основных целей считает сохранение памяти о себе и передаче накопленной информации будущим поколениям.

Язык – сложнейший инструмент, с помощью которого изучается окружающий мир, социум, человек и сам язык. Человека обладает уникальным качеством: он умеет думать о том, как он думает. Он думает в основном с помощью языка и передает свои мысли на языке. Язык создает пространство, в котором осуществляется общение, в этой языковой среде возникает понимание единства нации.

Философы не без оснований выделяют **функцию понимания мира** в языке⁴. Посредством языка осмысливается положение человека в мире, в природном окружении и во второй природной реальности – в социуме. Миропонимающая функция языка не в последнюю очередь зависит от надсубъективных языковых структур, в нашем случае – это запечатленные в сознании национальные образы природы и образцы действий человека по отношению к природе. Таким образом, эколлингвистика, опираясь на представления о функциях языка, получает мощный инструмент воздействия на сознание современного человека. С одной стороны, ей под силу выявлять и интерпретировать национальные образы природы и природоохранные практики, а с другой стороны – влиять на экологическое мышление и действия современников.

¹ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1960

² Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 355.

³ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс, 2007.

⁴ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Юрген Хабермас. М.: Издательство «Весь мир», 2008.

В метаязыке экологии и современной лингвистики обнаруживаются похожие термины и понятия. Многие из них логично и удачно вписались в метаязык эколлингвистики: *загрязнение окружающей среды и загрязнение языка, защита языка и охрана природы, среда обитания и среда использования языка; культура речи и экологическая культура; природа и природа языка, природные ресурсы и ресурсы языка, живая природа и живой язык, экологическое сознание и языковое сознание, речевое взаимодействие и взаимодействие природы и общества, нарушения природного равновесия и стилистические нарушения в языке, факторы воздействия на язык и факторы воздействия на природу, силы природы и сила языкового воздействия, природный ландшафт и языковое пространство, экологическая ситуация и ситуация общения, историческая экология и историческая грамматика; корни, корневая система и корни слов, поверхность земли и поверхностные структуры текста.* Этот список далеко не полон.

Говоря словами Н. Бора, можно утверждать, что метаязык эколлингвистики внес «ясность и гармонию» в исследование взаимодействия Человека Говорящего и Природы¹.

Следовательно, эколлингвистика использует понятийный аппарат экологии и лингвистики, исследуя такие проблемы, как состояние языка и источники его загрязнения. Она также предлагает меры по сохранению национального сознания, отраженного в языке. Еще одним направлением в эколлингвистике является изучение культуры речи, ее правильного грамматического и фонетического оформления, в рамках этой науки изучаются также «грязные» речевые технологии воздействия на сознание людей.

Эколлингвистика унаследовала еще одно направление научной мысли – изучение национальной образной системы, базовых структур национального сознания и поведения. Здесь уместно сказать несколько слов о теории «алфавита человеческой мысли» и о концептологии. Ученые-лингвисты в рамках теории «алфавита» находят общие для всего человечества базовые категории или, в терминологии А. Вежицкой, «семантические примитивы»: «...должно быть ясно, что если мы хотим найти по-настоящему универсальные человеческие концепты, то мы должны искать их не в окружающей нас действительности, а в своей голове. Гипотеза о том, что универсальные человеческие концепты представляют собой психические феномены, располагающиеся во внутреннем мире человеческой мысли, восходит чуть ли не к XVII в. – к великим философам-рационалистам Г. Лейбницу, Р. Декарту и Б. Паскалю. Г. Лейбниц, в частности, считал, что в мозгу у каждого появившегося на свет человека имеется определенный набор врожденных элементарных идей, которые с самого начала находятся в латентном состоянии и которые по мере накопления человеком жизненного опыта активизируются и развиваются. Эти врожденные идеи настолько прозрачны, что никакое объяснение не в состоянии сделать их для нас более ясными; напротив, мы пользуемся этими простейшими идеями, или смыслами, чтобы с их помощью эксплицировать приобретаемый нами опыт»². Согласно А. Вежицкой, следующие слова являются «семантическими примитивами»: я, ты, это, некто, нечто, мир, хотеть, не хотеть, думать, чувствовать, сказать, воображать и т.п.

Понятно, что открытие семантических примитивов, всеобщих понятий для всех языков, не снимало проблему своеобразия национальных языков, эта теория открывала путь к исследованию того, как, если пользоваться «ботанической» метафорой, из одного общего корня вырастали различные ветви языков. Намного раньше антрополог К. Леви-Стросс, изучая языки примитивных племен Южной Америки, выявил влияние на поведение человека традиций и мифов. Мифы Леви-Стросс считал основой устойчивости социальных структур. Без сомнения, мифы и обряды у разных племен и народов разные. В последние десятилетия эти идеи легли в основу теории концептов. Совершился переход от «алфавита» языка и мыслей к синтаксису, к выявлению и изучению скрытых образных систем, схем речевой и практической деятельности, оказывающих влияние на наше поведение в социуме и в природной среде.

Аксиоматикой концептологии является понятие внутренней формы языка, сформулированное В. фон Гумбольдтом (*innere Sprachform*). Под внутренней формой языка Гумбольдт понимал особенности миропонимания той или иной нации³. В лингвистике эта проблема изучается в теории концептуальной метафоры. Как известно, метафора является мощным средством концептуализации общественного сознания: в ее внутренней форме заключена система базисных представлений народа об окружающем мире. Концептуальные, онтологические метафоры влияют на стереотипы национального поведения. Заметим, образные системы устойчивы, существуют с незапамятных времен, но все же могут подвергаться коррозии под воздействием массовой культуры или доминирующей политической системы.

Самый простой лингвистический анализ обнаруживает одинаковые корни в словах, относящихся к «алфавиту человеческих мыслей»: *природа, рождение, родина, родственники, род человеческий, урожай*. Если в сознании нации и отдельного человека укрепились метафоры: *природа-мать, мы – дети природы, земля – кормилица*, то они предопределяют бережное отношение к природе. Базовые представления о природе, как источнике жизни, рода человеческого синонимичны по отношению к концепту «земля»: *земля-кормилица, мать сыра земля, из земли вышли в землю войдем, земля русская* и др. В литературе, поэзии, научных и публицистических статьях воспроизводятся следующие концептуальные метафоры: *природа-мать, природа – нива жизни, природа – живой организм, природа страдает; природа может болеть, погибать и возрождаться; природа нуждается в заботе и в присутствии защитника земли*.

Как говорилось выше, между природой и землей в национальном сознании ставится знак равенства, эти понятия взаимообратимые: *природа-мать, мать сыра земля, земля и природа рождает человека, родная земля* и т.п. Философия русской природы содержится в произведениях Гоголя, Тютчева, Толстого, в десятках шедевров русской поэзии и прозы. Главная мысль о природе в национальном сознании – природу нужно оберегать

¹ Бор Н. Единство знаний // Бор Н. Избранные научные труды в 2-х т. М.: Наука, 1970–1971.

² Wierzbicka A. Introduction // Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 3–27.

³ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 304.

как источник жизни, начало всех начал.

Метафоры, используемые в средствах массовой информации, могут становиться средствами навязывания определенной эколого-политической позиции. Например, идиомы: *природа не храм; нам некогда ждать милости от природы, взять их у нее – наша задача; человек – повелитель природы; кладовые природы* закладывают иной модус действий, действия необузданного потребителя, хищника, охотника: он вскрывает кладовые природы, поворачивает реки вспять, побеждает силы природы, покоряет и пр. Видимо, результаты исследований в области концептов русского народа относительно природы должны носить предписывающий характер. В этих основах национального мышления, видимо, находятся механизмы, способные смягчать или устранять угрозы, связанные с деградацией языка в той его части, где отражается хищническое потребительское отношение современного общества к среде обитания. Осознанная национальная понятийная система с ключевыми словами «сохранение, охрана и развитие языка и окружающего мира» должны стать своеобразным фильтром, препятствием для проникновения идей потребителя, «природопользователя».

Стратегии и тактики речевого воздействия

Как известно, концептуальные метафоры, о которых говорилось выше, принадлежат к скрытым лингвоментальным структурам. В философии языка их принято называть надсубъективными языковыми структурами. Они налагают определенные ограничения на мышление и действия каждого человека и служат фундаментом для сценариев или сценариев речевой деятельности человека. Эти сценарии или сценарии речевой деятельности извлекаются из памяти и разворачиваются в нужном варианте в зависимости от речевой необходимости. Например, схема восхождения от концепта «природа-мать» к речевым и физическим действиям, как говорилось, будет в корне отличаться от действий человека, ориентированного на потребительское отношение к природе. Для того чтобы реализовать замысел речевого поведения говорящие используют словесные стратегии и тактики¹.

Напомним, стратегия речевого поведения – это общий план речевого поведения в рамках сценария, позволяющий прогнозировать будущие коммуникативные события и избирать наиболее эффективный способ использования своего опыта общения для достижения главной коммуникативной цели. Тактика – это представления о том, как решаются конкретные пошаговые задачи общения. В реальном общении тактики привязаны к ближайшей цели общения. Например, уговаривать упрямого собеседника приходится разными способами, его можно просить, умолять, шантажировать, ему можно угрожать, льстить, можно взывать к его совести и пр. Стратегий немного, одна из них стратегия кооперации, сотрудничества, имеющая альтруистическую доминанту, другая – словесного (мягкого или жесткого) доминирования или насилия. Эта стратегия направлена на слом эмоционального, интеллектуального поведенческого сопротивления. Третья стратегия – это противостояние словесному воздействию. Например, в сценарии «Убеждать в своей правоте» могут быть представлены все три стратегии. Какую из них выбрать для реализации коммуникативных целей, решают говорящие. Так, стратегию доминирования реализуют с помощью навязывания партнеру своих интерпретаций и оценок событий; говорящий ссылается на авторитетное мнение, подавляет любые возражения, использует некорректные приемы аргументации, например, вспоминает ошибочные решения партнера, упрекает его в недалекости, критикует интеллектуальные способности собеседника, ведет разговор в агрессивной манере и т.п. Стратегия сотрудничества, кооперации вербализуется через следующие речевые действия, говорящий готов убеждать собеседника, опираясь на факты, показывая преимущества и недостатки различных точек зрения на обсуждаемую проблему, собеседники стараются сблизить свои позиции, найти компромиссное решение и т.п. К стратегии сопротивления прибегают партнеры в сценарном взаимодействии, если их не устраивает точка зрения собеседника, если им нужно отстаивать свои интересы, если они находятся в антагонистических отношениях и пр. Нередки случаи смешанного использования стратегий в зависимости от меняющихся параметров дискурса.

Эти общие положения о стратегиях и тактиках речевого воздействия могут найти конкретное применение в эколлингвистике. Например, стратегия воздействия на информативное поле человека реализуется через многочисленные информационные приемы или тактики. Например, она используется экологами, которые приводят факты о негативных последствиях экономической деятельности человека. К их числу принадлежат техногенные катастрофы, истончение озонового слоя в атмосфере, таяние льдов в Антарктике и т.п. Примером успешного применения этой стратегии может служить книга А. Гора, бывшего вице-президента США².

Известно: в чистом виде функций языка не существует, воздействуя на информационную составляющую сознания человека, эколлингвистика затрагивает эмоции человека. Эмотивную функцию языка реализуют тактики, воздействующие на эмоции человека. Особенно они эффективны тогда, когда речь идет о национальной самобытности народа, отраженной в былинах, сказках, литературных произведениях. Русская литература может и должна стать основой для образования и просветления экологического сознания школьников. Таким образом, самым эффективным способом воздействия на сознание является обращение к базовым национальным концептам, например, к метафоре типа «природа-мать, природа нуждается в защите, земля и природа – это наша Родина».

Современное состояние русского языка

В обществе распространяется, и не без оснований, озабоченность о «здоровье» русского языка. Как сказал А.И. Солженицын в «Слове при получении Большой Ломоносовской медали Российской академии наук», «процесс эволюции всякого языка течет постоянно: что-то постепенно теряется, что-то приобретает. Но крупная общественная революция приводит в ненормальное, болезненное сотрясение также и весь язык, в опасных пределах. Так и русский язык от потрясений XX века – болезненно покорежился, испытал коррозию, быстро оскудел, сузился потерей своих неповторимых красок и соков, свой гибкости и глубины»³. А с разложения

¹ Шляхов В.И. Речевая деятельность: феномен сценарности в общении. М.: КРАСАНД, 2010. С. 141.

² Гор А. Неудобная правда // Глобальное потепление. Как остановить планетарную катастрофу. СПб., «Амфора», 2007.

³ Солженицын А.И. Слово при получении Большой Ломоносовской медали Российской академии наук // Вестник истории естествознания и техники. 1999. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/VIETSOLJ.HTM>

языка начинается и им сопровождается разложение культуры. Это – и символичное, и духовно опаснейшее повреждение, в силу разных причин язык «покорезился». Каковы же причины искривления языкового пространства?

Последние двадцать с лишним лет русский язык, особенно его разговорный регистр, изменяется очень быстро, он приспособляется к новым политическим и технологическим переменам. Во многих случаях «переваривание» новых слов дается с трудом, портит вкус слова. Примеры можно приводить без конца. Появились слова: *кастомер, юзер, юзать, блин, реально, как бы, заказать, нагнуть, крутой, опустить, мент, мочить*, «подаренные» криминальной «братвой», компьютерщиками, представителями молодежных субкультур. Выражение *фейс-контроль* любопытно тем, что составлено из слов английского языка, в то время как в самом английском языке словосочетания *face control* нет. Язык наводнили выражения бюрократического новояза – «лицо кавказкой национальности», «бомж», «суверенная демократия» и др. Не без основания специалисты и «простые» люди заговорили о порче языка, о его гибели и пр.

Сеть электроники Saturn открылась под слоганом «Жадность – это круто». Фото и заголовок с сайта <http://www.adme.ru/saturn/set-elektroniki-saturn-otkrylas-pod-sloganom-zhadnost-eto-kruto-20065/>

С сайта <http://newskey.ru/news/139787>

Укрепляется потребительское отношение к науке, в том числе к науке о языке. Современный студент убежден, что интеллектуальный труд как неотъемлемая часть приобретения научных знаний в эпоху Интернета не нужен. Достаточно воспользоваться Интернетом и «скачать» оттуда все, что надо для того, чтобы, например, написать дипломную работу. Но это еще полбеда. Беда в другом, неокрепший, нетренированный ум «открыт», в негативном значении слова, для проникновения лженаучных теорий, он незащищен против пиар-технологий, рекламных воздействий и пр. Культуре речи, которая вырабатывается годами наблюдений над образцами литературной и философской мысли и напряженным трудом, уделяется все меньше внимания в школьном и высшем образовании.

Заметим, что в языкознании, когда обсуждают культуру речи, герметичность герметичности стилей, существование писанных и неписанных правил, разъединяющих «низкий» разговорный стиль и «высокий» литературный, подразумевается, что литературный стиль создала великая русская литература XIX в., и этот стиль должен доминировать над всеми остальными. Это утверждение является заблуждением. Безусловно, язык Тургенева, Толстого, Достоевского, других классиков русской и советской литературы является нормой и образцом, но только тогда, когда писатели выражали собственные мысли и чувства, писали о русской природе и т.п. Но как быть с теми текстами классиков, в которых они передавали особенности повседневной речи людей? Будучи реалистами, они запечатлели повседневность речи, например, так: «... Смерть не люблю таких растепелей! ... Ну, черт с тобой, поезжай бабиться с женой, феток!»¹ (Н.В. Гоголь); «А гость подышал немного, собрал разбежавшиеся от возбуждения слова и снова принялся бить: – Бабы ублюдки, недоноски чертовы! Выдумали царя, веру... и бьют народ, чтоб верность такой выдумки доказать! ... А это все чтоб одной правде все поверили! Да будь вы прокляты, триединые стервы!»² (А. Платонов); «... люди гибнут, всего лишаются, а ты, старая чертяка, как паук, все тянешь с собою! ... Я таких г-ов до смерти не люблю!»³ (М. Шолохов). Как видим, инвективы используются в художественном тексте, другое дело, что классикам в голову не приходило прибегать к сквернословию для передачи авторских эмоций.

Видимо, нужно обсуждать не сам факт использования «грязной» речи, а принцип уместности в письменном и устном общении. Глупо призывать человека, который рассказывает об участии в уличной драке или несправедливом штрафе, говорить словами Пушкина «Я помню чудное мгновенье...». Чтобы пояснить эту мысль, следует опереться на теорию речевых регистров. Как известно, термин «регистр» пришел из музыкального мира, где этим тер-

¹ Гоголь Н.В. Собрание сочинений. Т. 5. Мертвые души. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. С. 80.

² Платонов А.П. Избранное. М.: «Московский рабочий», 1966. С. 320.

³ Шолохов М.А. Тихий Дон. Кн. 3–4. Изд-во «Художественная литература», М., 1968. С. 316.

мином обозначали степень высоты голоса или музыкального инструмента. Этот термин употребляется в языкознании чаще всего как синоним для обозначения высокого, то есть литературного, и низкого стиля, вошедшего в себя разговорно-бытовой лексикон, жаргонизмы, просторечия, инвективы. Последние считаются как словами-париями, которым не место в литературном языке. Если эту мысль принять за аксиому, то нужно вести непримиримую борьбу за чистоту языка. На самом деле эта борьба выливается, как правило, в борьбу против низкого регистра речи. Это сражение обречено на поражение. Нет такой силы, чтобы помешать русскому человеку в минуты стресса, опасности искать в репертуаре слов «что-нибудь покрепче». Примером этой безуспешной борьбы может служить советская политика в отношении языка. В частности, цензоры вымарывали из произведений литературы «плохие» слова, на подмостки сцены не допускались бранные выражения и т.п. Доминирующей идеей в области политики языка в советскую эпоху был постулат о том, что со временем можно воспитать нового человека, который пользуется безупречным языком, а источники загрязнения русского языка исчезнут. Имелись в виду просторечье, лексикон криминального мира и т.п. Вспомним, к чему привела эта политика в конце 80-х годов, отмена цензуры породила эффект прорванной плотины: в литературу, в театр, в поп-культуру было вброшено немислимое количество мата, криминального арго, молодежного и компьютерного жаргона.

Неужели из этого заколдованного круга нет выхода? Видимо, чистоту языка, конечно, имеется в виду принцип уместности его использования, защищает простой психолингвистический механизм, а именно умение человека Говорящего переключаться с одного регистра речи на другой в зависимости от условий общения. Не боясь ошибиться, следует отнести это механизм к надсубъективным языковым структурам, регулирующим речевое поведение человека. Правда, «присвоение» этих структур требует больших затрат интеллектуальных усилий, направленных на анализ своего и чужого речевого поведения. Например, умения пользоваться эталонным регистром речи приобретаются в процессе школьного и высшего образования, роль русской литературы в этом процессе трудно переоценить.

Образцовым языком в Великобритании до появления телевидения считался королевский стандарт речи, то есть речь представителей монархической семьи, затем в 1960-е годы стандарт речи перешел к BBC. Для этого были затрачены значительные усилия, например, диктор BBC всегда имел под рукой словарь произношения Д. Джонса, он переиздается с 1913 г. Умение контролировать собственную речь не позволяет дикторам и телеведущим BBC использовать в новостных передачах регистр речи, наполненный просторечиями, жаргонизмами и инвективами. Совсем другой подход доминирует на российском телевидении, например, в утренних передачах можно услышать слова телеведущего о дачном сезоне: мол, наступает весна, тысячи людей отправятся, мол, «ковыряться в земле». Это «ковыряться» услышали тысячи телезрителей не один раз. Переключатель с одного регистра речи на другой у тележурналиста или испорчен, или никогда не был включен. Примеры можно приводить без конца, это «влезать, залазить в интернет» вместо «входить в Интернет, пользоваться Интернетом», бесконечные «как бы», «реально», «однозначно» и пр.

И последнее. Вопрос, который тревожит специалистов и неспециалистов, один из главных: однородно ли пространство русского языка, понимают ли русскоязычные люди друг друга, говоря о политике, о науке, умеет ли власть разговаривать с народом? Или: обретает ли вторую жизнь поэтическая формула отношений между политиками и народом: «Мы живем, под собою не чуя страны» (О. Мандельштам). Другими словами, искривление национального пространства заметно не только в словах сниженного вульгарного регистра, бытующего в политическом дискурсе: *кошмарить, мочить, сортир, опустить, заказать, порешать проблемы, наезжать, крышевать, менты, (не) сдавать своих, раскрутить*, но также в том, что основополагающие политические инициативы, например, модернизация страны, не получают ясного разъяснения, не «измеряются» понятным аршином, имя которому интеллектуальное и материальное благополучие каждого гражданина РФ.

Ситуация в современном политическом дискурсе напоминает «разрыв» в пространстве национального языка в России в 19-м веке, разрыв взаимопонимания между «верхними» слоями общества и «низами». Опасность этого разорванного

«Многие компании используют в своей рекламе намеки на интернет-сленг. Фото с сайта [warnet.ws](http://www.warnet.ws)» (С сайта http://www.softmixer.com/2011/05/blog-post_7098.html)

Фото с сайта <http://lenta.ru/news/2011/06/29/nikola/>

Фото с сайта <http://letni-dma.livejournal.com/99821.html>

языкового пространства глубоко понимал И.С. Тургенев. Базаров в романе «Отцы и дети», услышав, что помещики обсуждают такие проблемы и понятия, как аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, говорит: «Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, ...подумаешь, сколько иностранных... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны»¹. Тургенев имел в виду, что крестьяне, миллионы русских людей перед Великой реформой были не готовы и не способны понимать все перечисленные выше отвлеченные понятия, их интересовал вопрос о собственности на землю. Не прошло и тридцати лет, как этот разрыв в политическом дискурсе заполнили другие идеи, идеи социализма, пролетарского интернационализма, классовой борьбы.

Существует еще одна опасность: неумение или нежелание людей, вышедших из народа, разговаривать на понятном языке с тем же народом. По этому поводу горько шутят: «Вышли из народа и забыли вернуться». Общество, разделенное на ячейки по критериям богатства или власти, теряет способность к взаимопониманию. Все помнят из школьной программы, что Базаров был сыном полкового лекаря, его дед «землю пахал». Базаров первым в семье получил медицинское образование, говоря на современном языке, Базаров являлся интеллигентом в первом поколении. Об этой опасности утраты взаимопонимания в обществе писал И.С. Тургенев в романе «Отцы и дети»:

«Иногда Базаров отправлялся на деревню и, подтрунивая по обыкновению, вступал в беседу с каким-нибудь мужиком. «Ну, – говорил он ему, – излагай мне свои воззрения на жизнь, братец: ведь в вас, говорят, вся сила и будущность Россия, от вас, начнется новая эпоха в истории, – вы нам дадите и язык настоящий и законы». Мужик либо не отвечал ничего, либо приносил слова вроде следующих: «А мы можем... тоже, потому, значит... какой положон у нас, примерно, придел». – «Ты мне растолкуй, что такое есть ваш мир? – перебивал его Базаров, – и тот ли это самый мир, что на трех рыбах стоит?»

– Это, батюшка, земля стоит на трех рыбах, – успокоительно, с патриархально-добродушной певучестью объяснял мужик, – а против нашего, то есть, миру, известно, господская воля; потому вы наши отцы. А чем строже барин изыщет, тем милее мужику.

Выслушав подобную речь, Базаров однажды презрительно пожал плечами и отвернулся, а мужик побрел восвояси.

– О чем толковал? – спросил у него другой мужик средних лет и угрюмого вида, издали, с порога своей избы, присутствовавший при беседе его с Базаровым. – О недоимке, что ль?

– Какое о недоимке, братец ты мой! – отвечал первый мужик, и в голосе его уже не было следа патриархальной певучести, а, напротив, слышалась какая-то небрежная суровость, – так, болтал кое-что; язык почесать захотелось. Известно, барин; разве он что понимает?

– Где понять! – отвечал другой мужик, и, тряхнув шапками и осунув кушаки, оба они принялись рассуждать о своих делах и нуждах. Увы! презрительно пожимавший плечом, умевший говорить с мужиками Базаров (как хвалился он в споре с Павлом Петровичем), этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был все-таки чем-то вроде шутиа горохового...».

Подводя итоги, заметим, что эколлингвистика владеет мощным средством воздействия на экологическое сознание современников. Не боясь ошибиться, можно утверждать, что в сложном переплетении функций языка обнаруживается еще одна – коммуникативно-экологическая функция. Ее предназначение – выявлять и объяснять национальные надсубъективные языковые структуры, в которых запечатлены представления о природе, о месте человека в природном мире. Отечественная эколлингвистика призвана следить за «здоровьем» русского языка, отвечать на политические и социальные угрозы, снижающие уровень языкового вкуса. При необходимости эколлингвистика обращается к эталонному русскому общению в литературе, в русской философии, научных статьях, импортирует их в школьное и вузовское обучение, выстраивает барьеры против вульгаризации национального языкового пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1960.
2. Бор Н. Единство знаний // Бор Н. Избранные научные труды в 2-х тт. М.: Наука, 1970–1971.
3. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс, 2007.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений. Т. 5. Мертвые души. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959.
5. Гор А. Неудобная правда // Глобальное потепление. Как остановить планетарную катастрофу. СПб.: «Амфора», 2007.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
7. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006.
8. Леонтьев А.А. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
9. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979.
10. Платонов А.П. Избранное. М.: «Московский рабочий», 1966.
11. Солженицын А.И. Слово при получении Большой Ломоносовской медали Российской академии наук // Вестник истории естествознания и техники. 1999. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/VIETSOLJ.HTM>
12. Тургенев И.С. Отцы и дети // Сочинения: В 15-ти тт. М.–Л.: Наука, 1964.
13. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Юрген Хабермас. М.: «Весь мир», 2008.
14. Шолохов М.А. Тихий Дон. Кн. 3–4. М.: «Художественная литература», 1968.
15. Шляхов В.И. Речевая деятельность: феномен сценарности в общении. М.: КРАСАНД, 2010.
16. Wierzbicka A. Introduction // Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Oxford University Press, 1992.

¹ Тургенев И.С. Отцы и дети // Сочинения: В 15-ти тт. М.–Л.: Наука, 1964. С. 242, 384.